Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Долговое наследие Российской империи и его современные последствия

В середине января 2018 года некая Международная федеративная ассоциация держателей российских займов Франции, представляющая потомков инвесторов в облигации Российской империи, выступила с заявлением о намерении требовать через суд от правительства России погашения «железнодорожных займов» XIX века на сумму более 50 млрд евро. Осенью 2001 года при размещении одного из еврозаймов Москвы в расчетный банк пришло требование, подкрепленное угрозой судебного иска, перечислить собранные средства французским потомкам держателей облигаций Москвы и России, выпущенных до 1917 года. Чем вызван этот ответ на «залп "Авроры"» и каковы его последствия?

ВЕСЬ МИР НАСИЛЬЯ МЫ РАЗРУШИМ…

В истории российских революций принцип непризнания революционерами царских долгов был впервые провозглашен Петроградским Советом в декабре 1905 года с целью дискредитации попыток царского правительства привлечь новые займы за границей. В «финансовом манифесте» Совета речь шла об отказе как от внешнего, так и от внутреннего долга[1]. 100 лет назад, 10 февраля 1918 года по новому стилю, Совет народных комиссаров Советской России издал декрет, который аннулировал с 1 декабря 1917 года (по старому стилю) все государственные займы Российской империи и Временного правительства, городов и губерний, все государственные гарантии по займам российских предприятий. Документом безусловно и без всяких исключений аннулировались все иностранные займы. Из-за нехватки бумажных денег были оставлены и приравнены к кредитным билетам краткосрочные векселя казначейства. Выплата купонов по ним также была отменена. Мелкие вкладчики, имевшие вложения до 10 тыс. руб., сохраняли вклады, которые пере-

[1] Э. Карр. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923. М., 1990, стр. 514.

водились в новый заем РСФСР (правда, он так и не состоялся). В дальнейшем все внутренние долги уничтожила инфляция.

Этот декрет наряду с другими декретами, национализировавшими и конфисковавшими всю иностранную собственность в России, имел далеко идущие последствия, некоторые из них проявляют себя и в настоящее время. В тот период в России, где неспособность правительства платить по обязательствам воспринималась как очевидный факт, он не вызвал особого волнения, но в союзных державах спровоцировал серьезные протесты. В ноте, подписанной дипломатическими представителями стран Антанты в Петрограде, говорилось, что «их сограждане правомочности этого декрета не признают»[1].

К немедленным негативным последствиям документа можно отнести провоцирование прямого участия экспедиционных войск стран Антанты, США и Японии в гражданской войне в России на стороне Белого движения в попытке свергнуть режим большевиков и обеспечить права иностранных собственников на промышленные и иные активы вместе с обязательствами по иностранным займам. После окончания гражданской войны отказ Советского правительства от признания законности иностранных займов привел к дипломатической и финансовой блокаде со стороны стран Запада, которая вынудила СССР провести финансирование программ восстановления экономики и индустриализации практически целиком за счет коллективизации и экспроприации единоличного крестьянства и экспорта зерна. Тяжелые социальные и экономические последствия такой мобилизационной экономики хорошо известны, включая массовый голод населения.

КТО ЖЕ БЫЛ АВТОРОМ ИДЕИ «ДОЛГОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»?

Непосредственное авторство данного декрета принадлежало Ленину, но у идеи аннулирования долгов были другие «отцы». «Утопист и фантазер, витающий в абстракциях, Ленин — отличный реальный политик»[2]. После возвращения в Россию в апреле и вплоть до октября 1917 года Ленин в своих многочисленных статьях, брошюрах, заявлениях и воззваниях, содержащих призывы к национализации банков, предприятий, синдикатов, иностранной собственности, к вооруженному восстанию и революции, ни словом не упоминал о планах полного уничтожения всех займов и долгов России. Он вслед за Гильфердингом достаточно наивно полагал, что национализация банков и создание единого госбанка автоматически даст готовый аппарат для управления экономикой. Ленин придерживался идеи государственного капитализма как переходной стадии к социализму в экономике. Это была гораздо более умеренная программа, чем осуществленная позже в ходе проведения политики «военного коммунизма». Капиталистический сектор оставался бы в целом нетронутым, только перешел бы под контроль государства. Такое сосуществование предполагало приток в страну иностранного капитала, немецкого и американского. В этой идее было много общего с принципами нэпа, введенными три года спустя.

Однако Ленин, многократно проявлявший себя как выдающийся политик, в экономических вопросах был часто наивен, поскольку его знание экономики было исключительно книжным. Финансовые концепции лидеров большевиков были крайне расплывчаты. Придерживаясь консервативных взглядов на финансовую систему и неоднократно выражая беспокойство по поводу состояния госбюджета, Ленин тем не менее поручал непосредственное руководство экономикой и финансами таким радикальным «чистым доктринерам» от марксизма, как Бухарин, Ларин, Осинский, Преображенский и другие[3].

Примерно так в конце октября 1917 года произошло и с идеей аннулирования займов. В журнале «Просвещение» публикуется статья вождя большевиков «К пересмотру партийной программы». В ней Ленин упоминает вышедшую в газете «Рабочий путь» статью Юрия Ларина. Ларин — М. А. Лурье, бывший меньшевик, «левый коммунист», один из ведущих теоретиков в области экономики «военного коммунизма», «...лихой кавалерист, не знающий препятствия в скачке своей фантазии, жестокий экспериментатор, специалист во всех отраслях государственного управления, дилетант во всех специ-

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ АВТОРСТВО ДЕКРЕТА ПРИНАДЛЕЖАЛО ЛЕНИНУ, НО У ИДЕИ АННУЛИРОВАНИЯ ДОЛГОВ БЫЛИ ДРУГИЕ «ОТЦЫ»

[1] Э. Карр. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923. М., 1990, стр. 514.

[2] Н. Н. Суханов. Записки о революции. Т. 2, М., 1991, стр. 24.

[3] Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 2, М., 1994, стр. 356–365, 368–369.

альностях, центрокризис, главразвал, даровитый и очень милый человек»[1]. Такую же характеристику можно было смело дать и многим другим деятелям партии большевиков. «...По вопросу о финансово-экономической части программы Ларин пишет, что “вместо нее есть почти пустое место, не упомянуто даже аннулирование военных займов и государственных долгов царизма”... По вопросу об аннулировании государственных долгов (и, конечно, не одного царизма, но и буржуазии) надо тщательно обдумать вопрос о мелких подписчиках...»[2] Идея упала на благодатную почву. Ларин, получив задание вождя доработать предложения, выдвинул идею аннулирования всех займов, горячо поддержанную группировкой «левых коммунистов». Ленин был вынужден по вопросам экономической и финансовой программы большевиков пойти на уступки «левым коммунистам» для сохранения единства партии в обстановке острого внутрипартийного конфликта по вопросу Брестского мира с Германией и назревающей гражданской войны. Уже в конце декабря 1917 года Ленин пишет проект декрета о национализации банков, в котором содержится четко сформулированный с подачи Ларина пункт: «3. Государственные займы, внешние и внутренние, аннулируются (уничтожаются)». Этот пункт и станет краеугольным в Декрете 10 февраля 1918 года. Затем исчезнет и забота о «мелких вкладчиках».

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ И ЧТО АННУЛИРОВАЛИ?

В революционной горячке «кавалеристской атаки на капитал» последствия принятия таких декретов невозможно было просчитать до конца, особенно радикально настроенным революционерам, не компетентным в реальной экономике и в знании механизмов ее функционирования, верившим в скорую победу «мировой революции» и стремившимся полностью разрушить старое общество и начать строить «новый мир». Сам Ленин откровенно охарактеризовал свое отношение к подобным решениям: «Мы все согласны, что основными... должны быть такие меры, как национализация банков и синдикатов. Осуществим сначала их и другие подобные меры, а там видно будет»[3].

Национализация банков не оправдала наивных надежд теоретиков «военного коммунизма» на автоматическое создание инструмента контроля и финансирования промышленности. Аннулирование долгов не решило проблемы финансирования государственных расходов. Был закрыт канал их финансирования за счет займов, в распоряжении большевиков осталась только денежная эмиссия, активное использование которой привело к 1921 году к гиперинфляции в стране и фактическому уничтожению денег. Теоретиками и практиками гиперинфляции была все та же «группа левых товарищей» — Бухарин, Ларин, Осинский, Преображенский[4].

АННУЛИРОВАНИЕ ДОЛГОВ НЕ РЕШИЛО ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ

Что же конкретно было аннулировано в феврале 1918 года? Накануне Генуэзской конференции в 1922 году была создана специальная комиссия при Совете народных комиссаров для подсчета как долгов России, так и ущерба, нанесенного ей в ходе гражданской войны и интервенции. Параллельно подсчеты российской задолженности были проведены странами Антанты. Они практически совпали в области внешнего долга. По подсчетам советской стороны, совокупный внешний и внутренний долг России, включая военные долги и долги Временного правительства, составил 18 млрд 496 млн золотых руб., а объем ущерба от гражданской войны и интервенции был определен в 39 млрд золотых руб.[5] По подсчетам западной стороны, внешний долг России составлял 13 млрд 823 млн золотых руб. Внутренний долг западную сторону не интересовал, к тому же он был уничтожен гиперинфляцией в годы гражданской войны и первые годы нэпа. Внешний долг включал в себя довоенный государственный долг в 3 млрд 850 млн руб., гарантированные правительством займы в 870 млн руб., городские займы в 422 млн руб., участие иностранного капитала в национализированных большевиками предприятиях в 2 млрд руб. и военные займы в 6 млрд 681 млн руб. Иностранные кредиторы без учета военных займов располагались следующим образом: Франция (80%), Англия (14%). Промышленные облигации и акции размещались во Франции (32%), Англии (25%), Германии (16%), Бельгии (15%) и США (77%). Военные долги были сосредоточены в Англии (70%), Франции (19%), США (7%). Около 35% всего внутреннего и внешнего долга Российской Империи было связано с финансированием строительства государственных железных дорог. Главными кредиторами России были Англия, Франция, США и Бельгия[6].

НАЗАД В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Победа большевиков в гражданской войне, сопровождаемая тотальной финансовой и экономической катастрофой, массовым голодом в результате проведения политики военного коммунизма вынудила перейти в 1921 году к Новой экономической политике, отмене продразверстки, развитию смешанной экономики, поощрению частной инициативы и к стабилизации денежного обращения. Начал возрождаться торговый оборот с европейскими странами и США, о

[1] Н. Н. Суханов. Записки о революции. Т. 1, М., 1991, стр.270.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, М., 1981, стр. 381.

[3] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, М., 1981, стр. 375

[4] Э. Карр. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923.

[5] Генуэзская конференция 1922. Дипломатический словарь. Т. 1, М., 1985, стр. 252.

[6] Л. Пасвольский и Л. Маультон. Русские долги и восстановление России. М., 1925, стр. 26–27, 42–43.

чем Ленин гордо доложил IX Съезду Советов уже в декабре 1921 г.[1] Готовились к возрождению и внутренние государственные займы. Альтернативой была утрата политической власти, предупреждением чему были массовые крестьянские восстания и мятеж матросов в Кронштадте под лозунгом «За Советы без коммунистов». Одновременно поражение Германии в мировой войне, Версальский мир, разруха и экономический кризис в Центральной и Восточной Европе вынуждали страны Антанты искать путей нормализации отношений с Советской Россией. Возник даже теоретический консенсус с большевиками: восстановление Европы невозможно без восстановления России, Европе нужен доступ к русскому сырью и рынку, России — доступ к европейскому рынку, промышленным технологиям и капиталам. Для этого надо было решить вопрос о взаимных финансовых претензиях и о политическом признании[2].

На Брюссельской конференции в октябре 1921 года, где обсуждалась международная помощь голодающим в России, было выдвинуто предложение возобновить кредитование России при условии «признания русским правительством существующих долгов»[3]. Ленин, авторитет которого в партии был уже абсолютным, прагматически относился к декретам, принятым в годы революционной лихорадки, в том числе и к декрету об аннулировании долгов. «Левые коммунисты» вместе с «линией партии» пересмотрели свои взгляды и перестали быть «левыми». Перейдя к нэпу, взяв курс на возрождение торговли с развитыми капиталистическими странами — недавними участниками гражданской войны и интервенции, Ленин пришел к выводу, что нет ничего плохого в признании долгов царского правительства на определенных условиях. В ответ на декларацию Брюссельской конференции 28 октября 1921 года ВЦИК при непосредственном редакторском участии Ленина принял «Декларацию о признании долгов», которая была опубликована на следующий день. Советское правительство выразило готовность вести переговоры о взаимных требованиях, признании довоенных долгов при условии заключения с Россией мира, признании ее другими странами и прекращения с их стороны враждебных действий. «Российское правительство заявляет, что оно готово признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 года, при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств... Советская республика может принять на себя эти обязательства... если великие державы заключат с ней окончательный всеобщий мир и если ее правительство будет признано другими державами». Особо положительно упоминалась Франция и ее многочисленные мелкие рантье, купившие российские облигации[4]. Сразу отметим принципиальную позицию большевиков: речь может идти только о долгах до 1914 года, военные долги царизма и Временного правительства по-прежнему не признаются.

В тот же день нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин сделал заявление, обширно цитировавшее Декларацию, и предложил созвать «международную конференцию... для обсуждения претензий Союзников к России и России к Союзникам и составить определенный договор о мире между ними». Под давлением Англии, премьер-министр которой Ллойд Джордж увидел удобный повод решить проблемы, связанные с революцией в России, в январе 1922 года Верховный совет союзных держав на конференции в Каннах решил созвать 8 апреля 1922 года международную конференцию в Генуе с участием Советской России. Цель — рассмотрение вопросов об экономической реконструкции Центральной и Восточной Европы, включая восстановление имущественных прав, нарушенных «конфискацией или временным приостановлением прав собственности»[5]. Путь к потенциальной нормализации отношений был открыт.

Продолжение — в Cbonds Review № 2, 2018.

ПЕРЕЙДЯ К НЭПУ, ЛЕНИН ПРИШЕЛ К ВЫВОДУ, ЧТО НЕТ НИЧЕГО ПЛОХОГО В ПРИЗНАНИИ ДОЛГОВ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСЛОВИЯХ

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 44, М., 1982, стр. 302–305.

[2] Генуэзская конференция. 1922. Материалы Генуэзской конференции. М., 1922, стр. 3–4.

[3] Брюссельская конференция. 1921. Дипломатический словарь. Т. 1, М., 1985, стр. 158.

[4] В. И. Ленин. ПСС, т. 44, М., 1982, стр. 185—188, 557, 573.

[5] Генуэзская конференция. 1922. Материалы Генуэзской конференции. М., 1922, стр. 3–7. Р. Пайпс. Россия при большевиках. М., 1997, стр. 502–503.